

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ И ВОЕННОПЛЕННЫЕ В МАГНИТОГОРСКЕ. 1930-е – 1950-е гг.

Н.Н. Макарова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова,
Магнитогорск,
makarovanadia@mail.ru*

Аннотация. Обострение политической, конфессиональной либо этнической ситуаций и возникновение конфликта делают чрезвычайно актуальной проблему изучения «образа врага». Эпоха 1930–1950-х гг. характеризовалась формированием картины вражеского окружения, в котором жил советский человек. Магнитогорцы на протяжении этого периода были вынуждены жить бок о бок с тем самым «врагом», о котором так активно общала советская пропаганда. Очевидность конфронтационной среды, насаждаемой официальной идеологией, соседствовала с необходимостью искать разнообразные средства преодоления конфликтного существования между местным населением и «врагом». Инструменты формирования «образа врага» часто оказывались бессильны перед некоторыми субъектами восприятия «чужого». Речь, прежде всего, идет о населении, которое в силу разнообразных причин непосредственно сталкивалось с «врагом». Иностранная колония в Магнитогорске проживала с 1930 по 1937 гг., а контингент военнопленных присутствовал в городе с 1944 по 1950 гг. Динамичность «образа врага» зависела от множества факторов: удаленность от «врага», уровень образования, пол, возраст, наличие непосредственных контактов с врагом. Сам «враг» также не был статичен. Все это и формировало совокупный «образ врага». Магнитогорец имел возможность сформировать официально-пропагандистское, профессионально-служебное и личностное (бытовое) представление о враге. Таким образом, образ внешнего «врага» в Магнитогорске складывался под влиянием официальной пропаганды; в результате длительного присутствия на территории города иностранцев; в силу личного субъективного опыта общения с «врагом», удаленности Магнитогорска от линии фронта, отсутствия прямого негативного опыта оккупации и общего невысокого уровня культуры населения нового индустриального центра.

Ключевые слова: история, образ врага, конфронтация, способы преодоления конфликтов, Магнитогорск, иностранная колония, военнопленные

Введение

В многообразных общественных отношениях и общественных движениях проблема «врага» традиционно является актуальной, а «образы врага» изучаются учеными историками, политологами, социологами и т. д. Обострение политиче-

---

Макарова Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И.Носова. E-mail: makarovanadia@mail.ru

ской, конфессиональной либо этнической ситуаций и возникновение конфликта делают чрезвычайно актуальной проблему изучения «образа врага», особенностей его формирования, эволюции на разных исторических этапах и в различных социально-политических контекстах. Историография «образа врага» крайне разнообразна. Историки обращались к его изучению на материалах XIX в. Значительный объем исследований посвящен образу врага в годы Первой мировой, русско-японской, Великой Отечественной войн¹. Исследовался также «враг» внутри государства: «враг народа» и «вредитель»². Историки рассматривали теоретические проблемы понятия «образ врага» и исследовали непосредственно этот образ на основе разнообразных исторических источников³. Отдельный пласт исследований представляют работы, посвященные образу врага в карикатурах и в других произведениях искусства⁴.

Изучение процесса формирования образа врага в городе Магнитогорске на протяжении длительного исторического периода (с начала 1930-х гг. до начала 1950-х гг.) видится нам вполне актуальным по следующей причине. Магнитогорск на том историческом отрезке времени представлял собой уникальный город в масштабах Советского Союза. Он являлся крупнейшим промышленным центром, созданным в период форсированной индустриализации в полном объеме по отношению к заявленным планам. Кроме того, в Магнитогорске на протяжении всего исследуемого периода практически непрерывно проживали иностранцы. Первоначально это были иностранные специалисты, прибывшие по индивидуальным или по коллективным договорам на строительство промышленного гиганта черной металлургии. В ходе Великой Отечественной войны и по ее окончании на территории Магнитогорска проживали военнопленные.

В 1930 – 1950-е гг. в СССР шло активное формирование и тиражирование образа врага как внешнего, так и внутреннего. Причины такой политики со стороны государства неоднократно анализировались историками и, по нашему мнению, довольно хорошо обобщены в многочисленных статьях и сборниках научных трудов. Мы же преследуем цель поставить проблему сосуществования советского населения с тем самым «врагом», о котором с такой страстью сообщала советская пропаганда. Уникальной была ситуация необходимости соседства и сотрудничества с «врагом», оказания помощи «врагу». Очевидность конфронтационной среды, насаждаемой официальной идеологией, соседствовала с необходимостью искать разнообразные средства преодоления конфликтного существования между местным населением и «врагом». Этот «враг» был не мифическим, не карикатурным, а вполне реальным, живущим в соседнем бараке.

Картина мира «мы – трудящиеся, они – эксплуататоры», созданная В.И. Лениным еще в 1917 г., была основана на противопоставлении «свой – чужой», что в конечном итоге и формирует «образ врага». Последний выступает как разновидность социально-политического мифа, основанного на эгоистичном интересе и стремлении расширить влияние⁵. Врагом в зависимости от политической

¹ Лукьянов 2010; Голубев 2008.

² Макарова 2010, 100–108; Годунов 2015, 104–112.

³ Сдельников 2011; Сенявский 2006; Козырев 2008.

⁴ Костров 2015, 60–67; Макаров 2013, 160–163.

⁵ Гудков 2005, 11.

конъюнктуры оказывались то англичане, то японцы, то немцы. Мобилизационные механизмы и пропагандистская машина СССР сформировали необходимые установки у населения по отношению к внешнему «врагу». Российский социолог Л. Гудков отмечал, что «образ врага» представляет собой фактор, мобилизующий членов общества к солидарности и сплоченности⁶. Однако «чужое» воспринимается по-разному, в зависимости от конкретной ситуации. Ключевым фактором является готовность восприятия: от интереса и любопытства до безразличия и отторжения. В основном отношение к «чужому» настороженное, перерастающее в негативное. Ситуация опасности, исходящая от «чужого», образует социокультурный контекст, в котором формируется «образ врага». Историк Е.В. Сенявская характеризует «образ врага» как проблему восприятия противника, отношение к которой является частью более широкой историко-психологической проблематики «мы и они», «свой – чужой»⁷. «В пределах вооруженного конфликта проблема обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах <...> – отмечает Е.В. Сенявская, – расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, происходящими от чужого»⁸. Но когда враг оказывается не на поле боя, а в мирном тыловом социуме, социокультурный контекст не способствует поддержанию «образа врага» и созданные имажемы в представлениях населения начинают трансформироваться.

Инструменты формирования «образа врага» бывают бессильны перед некоторыми субъектами восприятия «чужого». Речь, прежде всего, идет о населении, которое в силу разнообразных причин непосредственно сталкивается с «врагом». Иностранная колония в Магнитогорске проживала с 1930 по 1937 гг. Численность иностранцев в городе постоянно колебалась. Уровень образования, квалификация, мотивы, по которым приезжали иностранцы в Магнитогорск, условия жизни и труда в городе были различными. Перечисленные критерии можно принять за основу деления иностранцев на две категории. Первая группа – это высококвалифицированные специалисты, получавшие зарплату валютой, работавшие в основном по договорам, заключенным с фирмами, зачастую занимавшие руководящие должности на предприятии; вторая группа – иностранные рабочие и специалисты, приехавшие в СССР добровольно, по рекомендациям компартий своих стран, работавшие на основе индивидуальных договоров по специальности, востребованной на конкретном предприятии, в основном в связи с ростом безработицы и экономическими проблемами в европейских странах.

Советская пропаганда в 1920–1930-е гг. изображала иностранца, лишенным всяких человеческих черт. В советской пропагандистской модели использовались особые механизмы языкового манипулирования, отличительными признаками которого выступали смысловая неопределенность, мифологизация и театральность. Такие признаки часто встречаются на страницах газет. Так, в «Магнитогорском рабочем» можно было прочитать: «Собакам – собачья смерть»; «Гадам нет места на нашей земле»; «Фашистские пираты» и т. п. Данную риторику поддерживали визуальные изображения, в частности, карикатуры, изображавшие милитаристские устремления Германии и Японии, попустительство Швейцарии, Бельгии, Ве-

⁶ Гудков 2005, 15.

⁷ Сенявская 2006, 52.

⁸ Сенявская 2006, 62.

ликобритании по отношению к фашизму и т. д. Так, 15 июля 1935 г. газета «Борьба за металл» на первой полосе поместила карикатуру «Баланс голода»⁹. Такая карикатура на страницах магнитогорской газеты выглядела как очередная победа над капиталистами, ибо именно в 1935 г. в СССР происходил постепенный отказ от карточек. В Магнитогорске, в частности, ситуация со снабжением стабилизировалась, а качество питания магнитогорцев улучшилось. Именно в это время в городе проживали иностранцы «из вражеских» стран. Отношение к ним со стороны местного населения было неоднозначным.

Динамичность «образа врага» объяснялась множеством факторов: степенью удаленности от «врага», уровнем образования, полом, возрастом магнитогорцев, наличием непосредственных контактов с «врагом» и т. п. Сам «враг» также не был статичен. Все это и формировало совокупный «образ врага». Итак, каким же представлялся «враг» непосредственно в Магнитогорске, где население было пестрым по социальному, половозрастному, этническому составу? Уровень грамотности горожан в среднем был невысоким, а пропаганда действовала активно, создавая привлекательный имидж крупного промышленного центра Советского Союза в масштабах страны и мира и формируя образ «нового советского человека». Значимым фактором в восприятии «врага» в Магнитогорске было то, что «враг» с разрешения партии и государства прибыл на строительство города и получал больше привилегий и льгот, чем советские люди. Магнитогорец имел реальную возможность сформировать не только официально-пропагандистское представление о враге, но и профессионально-служебное и даже личностное (бытовое). В воспоминаниях магнитогорцев о совместной трудовой деятельности с «врагом», в официальной делопроизводственной документации, в материалах устной истории содержится информация о трудовом энтузиазме «врага», о работе наравне со всеми, об участии в движении рационализаторов, о желании иностранцев помогать строителям металлургического гиганта. Но документы 1930–1950-х сохраняют свидетельства о наличии среди них тунеядцев, прогульщиков, о стремлении некоторых заработать побольше денег, об отсутствии у иностранцев профессионализма. Личный опыт общения с «врагом» в 1930-е гг. был разнообразным: от конфликтов на бытовой почве, драк и зависти до добрососедских взаимоотношений, дружбы, любви и создания семей.

В условиях тотального дефицита и латентного голода зависть местного населения по отношению к жизни иностранцев была вполне понятной. Поселок «Березки», или Американский поселок, являл собой идеальное воплощение в жизнь садового поселка, близкого к западно-европейским стандартам¹⁰. По словам респондента Т.К. Пасины, территория поселка была огорожена забором¹¹, чтобы изолировать поселок от остальной части города физически: высокий забор защищал население «Березок» не только от любопытных глаз горожан, но и от криминальных элементов новостройки. Трудности бытового характера не обошли иностранных специалистов, несмотря на то, что расселяли их в городских гостиницах. Врач-рентгенолог Сильва Берг¹², выдержав в гостинице города

⁹ Borba za metal 15.07.1935.

¹⁰ Федосихин 1999, 46.

¹¹ Vospominaniya T.K. Patsiny. Zapisano N.N.Makarovoy v 2008 г.

¹² Сильва Берг – врач рентгенолог. Приехала в Магнитогорск в 1931 г. по договору.

около 1,5 месяцев, начала писать жалобы, в которых указывала на невозможность жить в комнате площадью 3,2 кв. м., на отсутствие мебели, засилье клопов <...> и постоянный шум»¹³. Часто в воспоминаниях, собранных редакцией «История фабрик и заводов», рабочие иронично заявляли о трусости иноспециалистов при выполнении пуска многих машин на производстве, об отказах работать в морозы, о том, что иностранцы покидали цеха комбината и оставляли рабочих разбираться с техническими проблемами самостоятельно и т. п.¹⁴ В 1937 г. Магнитогорск, как и многие другие города СССР, погрузился в шпиономанию. Учитывая наличие в городе иностранной колонии, возможности для обвинений в сотрудничестве с иностранными государствами были большие. Отношения с «врагом» вновь начали обостряться. В условиях репрессий многие иностранцы были арестованы.

Сходные компоненты «образа врага» продолжали формироваться у магнитогорцев в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, когда в городе функционировали лагеря военнопленных. В 1944–1950 гг. в Магнитогорске функционировало лагерное управление по делам военнопленных и интернированных. Учитывая миграционные процессы и движение контингентов, через лагерные отделения Магнитогорска за 1944–1950 гг. прошло около 10 тыс. военнопленных. Таким образом, враг в лице военнопленных присутствовал на территории Магнитогорска на протяжении 1944–1950 гг. В первое время пребывания в Магнитогорске контингента военнопленных отношение среди местного населения к ним было вполне очевидным: это было чувство ненависти и превосходства перед побежденным врагом. Но в палитре эмоций и чувств, формировавшихся по отношению к «фрицам»¹⁵, возникало нечто большее, чем ненависть. В рассказах очевидцев событий в Магнитогорске встречаются указания на то, что «многие ходили посмотреть на них»¹⁶. Действительно, увидеть поверженного врага на территории, далекой от линии фронта, было необычно и вызывало любопытство. С течением времени местное население осознало факт наличия на территории города «немцев», с которыми жители часто встречались на улицах.

Обстоятельства вынуждали искать пути адаптации и формировать легальные и нелегальные стратегии выживания в условиях плена. Данные стратегии в свою очередь создавали базу для деформации представлений местного населения о «враге». Кражи на территории Магнитогорска имели широкое распространение с начала 1930-х гг., и отношение к данному явлению со стороны жертвы традиционно было негативным. Когда кражи совершали военнопленные, оценка деяния не усугублялась в глазах жертвы преступления. Важен был сам факт утраты имущества. А вот когда военнопленные перепродавали краденые вещи на базарах города, местное население, не задумываясь, совершало сделки купли-продажи¹⁷. Труд военнопленных оценивался местным населением положительно. Многие респонденты отмечали, что «немцы работали много и хорошо»¹⁸, а все, что «они постро-

¹³ МУ Магнитогорский «Городской архив» (далее МУ МГА). Ф. 99. Оп. 8. Д. 36. Л. 5.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р7952. Оп. 5. Д. 306. Л. 231; МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 255. Л. 5.

¹⁵ Данный термин по отношению к контингенту военнопленных достаточно часто применялся в высказываниях респондентов.

¹⁶ Vospominaniya Bystrovoy O.V. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.

¹⁷ МУ МГА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1. Л. 55; МУ МГА. Ф. 156. Оп. 2. Д. 4. Л. 25.

¹⁸ Vospominaniya Mitroshchyna N.A. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.

или, до сих пор стоит»¹⁹. Официальная документация сохранила свидетельства того, что сами военнопленные готовы были работать при нормальных условиях. Военнопленный Фалах, работавший на стекольном заводе, обратил внимание на «вредные условия труда и отсутствие элементарных условий», в частности, «рабочим военнопленным не выдавали рукавицы, мыло»²⁰. Местное население с течением времени начало взаимодействовать с «немецками». Формы подобного взаимодействия были различными, вплоть до приятельских отношений, сожительства и воспитания детей. Военнопленный Лео Франц «сожительствовал с женщиной из гражданского населения», а военнопленный Д. Шандор регулярно «общался с местным населением»²¹. Несомненно, средством преодоления конфронтационного типа культуры и «образа врага» стал язык как средство коммуникации. Владение русским языком, а точнее минимальным словарным запасом, формировало условия успешной коммуникации. Любопытны в этом ключе воспоминания Н.Я. Митрохина, сотрудника охраны лагерного отделения № 22 о том, что «они быстро выучились по-нашему говорить и даже матерились <...> но иногда не понимали нас»²². В фондах городского архива неоднократно встречались описания решения конфликтных ситуаций между военнопленными на русском языке. Так, «23 июня 1946 г. военнопленный Ярке на замечание мастера цеха Д*** о том, что он плохо работает, ответил нецензурными словами...»²³.

Если необходимость общения военнопленных с гражданским населением объяснялась объективными факторами (стремление улучшить свои бытовые условия и вести жизнь, более или менее близкую к нормальной, отмечать праздники, дни рождения и проч.), то вопрос о том, почему население города с готовностью поддерживало контакты с «врагом», требует специального анализа. Респонденты утверждали, что многие магнитогорцы просто не видели в грязных, голодных и больных людях, измученных лишениями военного времени, «врага»; что многие их «жалели», «помогали, иногда даже подкармливали»²⁴. Можно также говорить о том, что образ врага, созданный советской пропагандой, плохо сочетался с реальностью, которую видели магнитогорцы. «Враг» оказался «не страшным. Это были такие же люди, которые играли футбол и на губных гармошках <...> в мяч, смеялись»²⁵. Но среди жителей города и особенно среди военизированной охраны лагерных отделений были зафиксированы случаи недовольства тем, что «военнопленных кормят лучше»²⁶. Среди личного состава военнослужащих лагерных отделений в Магнитогорске отношение к военнопленным разнилось. Большинство участников боевых действий 1941–1945 гг. относились к пленным в целом негативно. По воспоминаниям сотрудника военизированной охраны лагеря военнопленных В.П. Баканова, жизнь пленных была устроена даже лучше, чем у рядовых магнитогорцев: «Они находились на полном гособеспечении. Получали

¹⁹ *Vospominaniya Bystrovoy O.V. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.*

²⁰ МУ МГА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

²¹ МУ МГА. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1. Л. 80; Ф. 157. Оп. 1. Д. 5. Л. 51.

²² *Vospominaniya Mitroshchna N.A. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.*

²³ МУ МГА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

²⁴ *Vospominaniya Mitroshchna N.A. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.; Vospominaniya Bystrovoy O.V. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.*

²⁵ *Vospominaniya Bystrovoy O.V. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.*

²⁶ *Vospominaniya Bystrovoy O.V. Zapisano N.N. Makarovoy v 2008 г.*

паек наравне с нашими солдатами. Норма хлеба – 800 граммов в день»²⁷. Присутствовали также крайние формы неприятия «врага». Так, младший лейтенант Волков систематически наносил побои военнопленным, часто без видимых причин. «30 января 1947 г. он в очередной раз нанес побои военнопленному, избив его до полусмерти...»²⁸. Но были среди охраны лагеря и те, кто поддерживал приятельские отношения с пленными. В делопроизводственной документации отмечалось, что представители личного состава «устраивают вечеринки совместно с военнопленными»²⁹. Можно также предположить, что любознательность, присущая человеку, подталкивала местное население к общению с военнопленными – представителями иной культуры. Постепенно «враг» стал меняться в сознании населения и уже не вызывал злобы и ненависти.

Заключение

Таким образом, внешний «враг» в Магнитогорске формировался под влиянием, во-первых, официальной пропаганды; во-вторых, в условиях длительного присутствия на территории города иностранцев; в-третьих, на основе личного субъективного опыта общения с «врагом»; в-четвертых, в обстановке удаленности Магнитогорска от линии фронта и отсутствия прямого негативного опыта оккупации, массовых убийств; в-пятых, при общем невысоком уровне культуры населения нового индустриального центра. В условиях официально декларируемой конфронтационной среды существования («свой – чужой») магнитогорцы формировали свой уникальный образ врага. Последний трансформировался под влиянием конкретных бытовых и социокультурных условий.

ЛИТЕРАТУРА

- Баканов, В.П. 2014: *Воспоминания*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wiki-maria.org/22281145/ru>
- Годунов, К.В. 2015: Образы врагов революции в праздновании годовщины октября: сожжение изображений противников (1918–1920 гг.) *Вестник пермского университета. Серия: история* 2 (29), 104–112.
- Голубев, А.В. 2008: Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов. *Россия и современный мир* 1 (58), 170–187.
- Гудков, Л. 2005: Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. В кн.: Л. Гудков (ред.), *Образ врага*. М., 7–80.
- Козырев, Г.И. 2008: Враг и «образ врага» в общественных и политических отношениях. *Социологические исследования* 1, 31–39.
- Костров, А.В. 2015: Образы внешнего и внутреннего врагов советского государства в предвоенном фильме Александра Довженко «Аэроград». *Новый исторический вестник* 43, 60–67.
- Лукьянов, М.Н. 2010: «Образ врага» или «образ друга»? Германия и Великобритания глазами русских правых накануне Первой Мировой войны. *Вопросы культурологии* 8, 45–49.

²⁷ Bakanov 2014.

²⁸ МУ МГА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

²⁹ МУ МГА. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1. Л. 42.

- Макаров, Д.В., Дронов, В.А. 2013: Динамика образа врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне. *Власть* 2, 160–163.
- Макарова, В.В. 2010: Образ врага в газетном политическом дискурсе (по материалам пермских печатных СМИ). *Социо- и психолингвистические исследования* 14, 100–108.
- Сдельников, В.А. 2011: Причины и этапы формирования образа врага в советской пропаганде в 1945–1953 гг. *Труды молодых ученых алтайского государственного университета* 8, 44–45.
- Сенявская, Е.С. 2006: *Противники России в войнах 20 века. Эволюция образа врага в сознании армии и общества*. М.
- Сенявский, А.С. 2006: Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века). *Вестник РУДН. Серия «История России»* 2, 54–72.
- Федосихин, В.С. 1999: *Магнитогорск – классика советской социалистической архитектуры*. Магнитогорск.

REFERENCES

- Bakanov, V.P. 2014: *Vospominanija*, <http://wikimapia.org/22281145/ru>
- Fedosihin, V.S. 1999: *Magnitogorsk – klassika sovetskoj socialisticheskoj arhitektury*. Magnitogorsk.
- Godunov, K.V. 2015: Obrazy vragov revoljucii v prazdnovanii godovshhiny oktjabrja: sozhzhenie izobrazhenij protivnikov (1918–1920 gg.). *Vestnik permskogo universiteta. Serija: istorija* 2 (29), 104–112.
- Golubev, A.V. 2008: Chamberlen, Gitler i drugie: obrazy vragov v sovetskoj karikature 1922–1939 godov. *Rossija i sovremennij mir* 1 (58), 170–187.
- Gudkov, L. 2005: Ideologema «vraga». «Vragi» kak massovyj sindrom i mehanizm sociokul'turnoj integracii. In: Gudkov L. (red.), *Obraz vraga*. Moscow, 7–80.
- Kostrov, A.V. 2015: Obrazy vneshnego i vnutrennego vragov sovetskogo gosudarstva v predvoennom fil'me Aleksandra Dovzhenko «Ajerograd». *Novyj istoricheskij vestnik* 43, 60–67.
- Kozyrev, G.I. 2008: Vrag i «obraz vraga» v obshhestvennyh i politicheskikh otnoshenijah. *Sociologicheskie issledovanija* 1, 31–39.
- Luk'janov, M.N. 2010: «Obraz vraga» ili «obraz druga»? : Germanija i Velikobritanija glazami russkikh pravyh nakanune Pervoj Mirovoj vojny. *Voprosy kul'turologii* 8, 45–49.
- Makarov, D.V., Dronov, V.A. 2013: Dinamika obraza vraga v sovremennyh fil'mah o Velikoj Otechestvennoj vojne. *Vlast' 2*, 160–163.
- Makarova, V.V. 2010: Образ врага в газетном политическом дискурсе (по материалам пермских печатных СМИ). *Socio- i psiholingvisticheskie issledovanija* 14, 100–108.
- Sdel'nikov, V.A. 2011: Prichiny i jetapy formirovanija obraza vraga v sovetskoj propagande v 1945–1953 gg. *Trudy molodyh uchenyh altajskogo gosudarstvennogo universiteta* 8, 44–45.
- Senjavskaja, E. S. 2006: *Protivniki Rossii v vojnah 20 veka. Jevoljucija obraza vraga v soznanii armii i obshhestva*. Moscow.
- Senjavskij, A. S. 2006: Istoricheskaja imagologija i problema formirovanija «obraza vraga» (na materialah rossijskoj istorii XX veka). *Vestnik RUDN. Serija «Istorija Rossii»* 2, 54–72.

GERMAN COLONISTS AND PRISONERS OF WAR IN MAGNITOGORSK.
1930 s – 1950 s.

Nadezhda N. Makarova

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
makarovanadia@mail.ru*

Abstract. The aggravation of a political, confessional or ethnic situation and emergence of the conflict makes a problem of “an image of the enemy” extremely actual. The period of 1930 – 1950-s was characterized by forming of a picture of an enemy environment in which a Soviet person lived. Residents of Magnitogorsk throughout this period were forced to live side by side with the very “enemy” about whom the Soviet propaganda so actively reported. The evidence of the confrontational environment spread by the official ideology adjoined to the need to look for various means of overcoming the conflict existence between local population and “enemy”. Instruments of forming of “an image of the enemy” were often powerless before some subjects of perception of a “stranger”. It is, above all, about the population that for a variety of reasons directly confronted with the “enemy”. The foreign colony lived in Magnitogorsk from 1930 to 1937, and the contingent of prisoners of war was present at the city from 1944 to 1950. Dynamism of “an image of the enemy” depended on a set of factors: remoteness from “enemy”, the education level, sex, age, availability of direct contacts with the enemy. “Enemy” was also not static. All this also created a cumulative “image of the enemy”. The resident of Magnitogorsk had an opportunity to create official and propaganda, professional and office and personal (household) idea of the enemy. Thus, the image of external “enemy” in Magnitogorsk developed under the influence of official promotion; as a result of long presence in the territory of the city of foreigners; owing to personal subjective experience of communication with “enemy”, remoteness of Magnitogorsk from a front line, lack of direct negative experience of occupation and general low level of culture of the population of the new industrial center.

Key words: history, image of the enemy, confrontation, methods of overcoming of the conflicts, Magnitogorsk, foreign colony, prisoners of war

---
